

1

Эмма

На протяжении последних пяти месяцев я наблюдаю за тем, как мир умирает. Под ледниками, сметающими все на своем пути, скрылись Канада, Англия, Россия и Скандинавия. Все это выглядело так, будто они и не собираются останавливаться. Полученные нами данные это подтверждают.

Через три месяца лед покроет землю, и жизнь, какой мы ее знаем, перестанет существовать.

Моя работа заключается в том, чтобы выяснить — почему.

И чтобы остановить это.

Меня будит сигнал тревоги. Выбравшись из спального мешка, я открываю дверь своей каюты.

Я не могу нормально спать с тех пор, как прибыла на Международную космическую станцию, и особенно с того момента, как начались Эксперименты по изучению Зимы. Я ворочаюсь каждую ночь, размышляя о том, что обнаружат зонды и сможет ли полученная с них информация спасти нас.

Переместившись в модуль Хармони, я нажимаю на кнопки настенной панели, пытаюсь выяснить причину заывающей сирены. Судя по показаниям датчиков, температура радиаторов солнечной батареи продолжает не-

уклонно расти и они перегреваются. *Почему?* Нужно это остановить...

До моего уха доносится голос с сильным русским акцентом, принадлежащий Сергею: «Это солнечная батарея, командир».

Я смотрю на экран.

— Объясни.

В ответ — тишина.

— Сергей, отвечай. Туда попал космический мусор? Почему температура растет?

На МКС есть миллион способов погибнуть, и один из них, без сомнения, — потеря солнечной батареи. Причем вариантов потерять саму батарею ничуть не меньше. Они работают так же, как и фотоэлектрические батареи на Земле: солнечная радиация превращается в них в электрический ток, высвобождая большое количество тепла. Жар рассеивается через радиаторы, направленные в противоположную сторону от солнечного света — прямо в темноту космоса. Если они перегреваются, то жару некуда деваться, кроме как внутрь станции, а для комфортной жизни такое развитие событий подходит мало.

С этой ситуацией нужно разобраться как можно скорее.

Голос Сергея звучит почти раздраженно: «Это не мусор, командир. Как только сам разберусь — сразу сообщу. Пожалуйста, ложитесь спать».

Дверь соседней каюты отъезжает в сторону, и в проеме появляется заспанное опухшее лицо доктора Эндрю Бергина.

— Эмма, привет. Что случилось?

— Солнечная батарея.

— Все в порядке?

— Пока не уверена.

— Сергей, как думаешь — в чем дело?

— Я *думаю*, что дело в солнечной радиации. Ее уровень слишком высок, — отвечает Сергей по коммуникатору.

— Вспышка на Солнце?

— Да, больше нечему. Из строя вышел не один радиатор — они все перегрелись.

— Выруби батарею и переходи на резервное питание.

— Командир...

— Выполняй, Сергей. Сейчас же.

На панели отображается восемь солнечных батарей и тридцать три тысячи расположенных на них фотоэлектрических панелей. Я вижу, как они отключаются одна за одной и показатели температуры с датчиков радиаторов начинают ползти вниз.

На резервном питании мы какое-то время сможем продержаться. Я знаю это, потому что мы делаем так пятнадцать раз за день, когда солнечные батареи находятся в тени Земли.

В голове звучит вопрос доктора Бергин: «Есть какая-нибудь информация от зондов?».

Уже проверяю.

Месяц назад международная ассоциация запустила космические зонды для измерения солнечной радиации в попытке обнаружить какие-либо аномалии. Зонды были частью Экспериментов по Изучению Зимы — крупнейшего научного исследования из когда-либо проводившихся. Основная его цель — понять, почему Земля остывает. Мы знаем, что солнечная радиация снижается, но этого, по идее, не должно происходить. Земля должна становиться теплее.

На МКС данные от зондов поступили бы в первую очередь, но на данный момент от них не было слышно ничего. Эти данные могли бы спасти человечество или хотя бы дать понять, сколько у нас осталось времени.

Мне следовало бы снова заснуть, но раз уж я встала, значит, встала.

И к тому же мне не терпится увидеть первые данные от зондов. На Земле осталась моя семья, и я хочу знать,

что с ними произойдет. Да и среди астронавтов МКС звучал невысказанный вопрос: что станет с нами? Если мир умирает и нам некуда возвращаться, оставят ли нас здесь? Трое из нас должны вернуться через месяц, трое — через четыре месяца. Но найдут ли наши страны, уже сейчас столкнувшиеся с беспрецедентным продовольственным кризисом, ресурсы для нашего возвращения?

По всему миру правительства борются за эвакуацию своих граждан в последние обитаемые зоны планеты. И перед ними встает трудный вопрос: что делать с теми, кого эвакуировать невозможно? Как много они готовы потратить на то, чтобы вернуть шесть человек из космоса?

Возвращение на Землю — это не прогулка в парке. У нас, по сути, нет индивидуальных спасательных модулей, а только две капсулы «Союз», которые и доставили нас на МКС. Каждая из них вмещает в себя до трех человек, так что мы можем воспользоваться капсулами для того, чтобы покинуть станцию. Хотя нам все равно необходима координация с Земли, а также кто-то, кто подберет нас после приземления.

Еще бóльшая помощь нам понадобится после возвращения, в частности длительный курс реабилитации. В космосе из-за недостатка гравитации наши кости теряют плотность. Причем в первую очередь это происходит там, где на скелет ложится основная нагрузка — тазобедренный сустав, позвоночник и ноги. Кости в прямом смысле исчезают, как при остеопорозе. Кальций, которого не хватает в организме, приводит к образованию камней в почках, а в космосе это совсем не то, что вы хотели бы получить. Кое-кто из первых астронавтов, побывавших на МКС, терял почти два процента плотности костей в месяц — благодаря статистике у нас есть эти цифры. Но по возвращении мне все равно придется пройти реабилитацию. Я не узнаю, в какой я физической форме, до тех пор, пока мои ноги не коснутся земли (или льда, что тоже вероятно).

Правда в том, что наша польза для людей на поверхности заключается только в проведении Экспериментов по Изучению Зимы. Если мы не сможем выяснить, что являлось причиной Долгой Зимы и то, как ее можно остановить, мы никогда не покинем эту станцию. Мы попали в ловушку между холодным темным космосом и замерзающей планетой под нами. Сейчас это наш дом и, возможно, будет еще им какое-то время.

Это хороший дом. Лучший из всех, что у меня были.

Я медленно продвигаюсь через модули МКС, помогая себе руками и ногами. Станция похожа на набор огромных труб, прикрученных друг к другу под разными углами. В большинстве отсеков находятся лаборатории, некоторые же служат просто переходами.

«Юнити» был первым американским модулем, пристыкованным к МКС в 1998 году, и имел шесть стыковочных слотов, похожих на туннели, соединенных в общую канализационную систему.

Я перехожу в модуль «Транквилити», где находится жизненно важное оборудование, рециркулятор воды, генераторы кислорода и туалет, которым пользоваться так же трудно, как и ожидать, что здесь будет специальный космический стульчак (МКС создавалась мужчинами для астронавтов-мужчин, так что — никак иначе).

Пройдя «Транквилити», я оказываюсь в обзорном модуле Европейского Космического Агентства. Это большой купол с семью тридцатидюймовыми иллюминаторами, обеспечивающими панорамный обзор космоса и Земли. Он заставляет меня задержаться на мгновение и осмотреться.

Высота орбиты МКС составляет примерно двести пятьдесят миль над поверхностью Земли. В день станция совершает 15,54 оборота, а это означает, что мы видим расцвет или закат каждые сорок пять минут.

Сейчас станция пересекает линию терминатора, открывая взгляду часть планеты, залитую солнечным светом, — Северную и Южную Америку.

Лед распространился до Великих озер, подобно бело-снежным пальцам, погружающимся в синюю воду. В скором времени ледники покроют их целиком и двинутся дальше на юг. Мичиган, Висконсин, Миннесота и некоторые области Нью-Йорка уже эвакуированы.

Соединенные Штаты произвели все вычисления. Сейчас уже известно, какие зоны на поверхности Земли останутся обитаемыми. Пометка: они ниже уровня моря. Огромный лагерь был разбит в Долине Смерти, штат Калифорния, уже подписаны торговые соглашения с Ливией и Тунисом. Но все понимают, что долго они не продержатся; по крайней мере, не тогда, когда выживание станет ежедневной задачей.

Проще говоря, мир будет пытаться пропихнуть восемь миллиардов людей через узкое горлышко воронки, в которой могут спастись лишь немногие.

Это будет война.

ЗАНИМАЯСЬ НА БЕГОВОЙ ДОРОЖКЕ, Я ЗАПРАШИВАЮ ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ СТАНЦИИ. СОЛНЕЧНУЮ БАТАРЕЮ СЕРГЕЙ ТАК ЕЩЕ И НЕ ВКЛЮЧИЛ, ИЗ-ЗА ЧЕГО Я ЗАХОТЕЛА БЫЛО САМА ЕГО ПРОВЕРИТЬ, НО ВСПОМНИЛА, ЧТО ОН РАБОТАЕТ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ПРЕДОСТАВИТЬ ЕМУ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ. СУЩЕСТВУЕТ ОДИН ВАЖНЫЙ МОМЕНТ В БЛИЗКОМ СУЩЕСТВОВАНИИ ШЕСТИ ЧЕЛОВЕК: ТЫ ЗНАЕШЬ ЛИЧНЫЕ ГРАНИЦЫ КАЖДОГО.

Я снова проверяю, нет ли данных от зондов (все еще ничего), и начинаю читать почту.

Первое письмо от сестры.

Я никогда не была замужем, и у меня нет своих детей, в отличие от нее. Для меня эти дети — настоящее сокровище, двое лучших из всех живущих людей на свете.

В письме нет ни темы, ни содержания, а только лишь моя сестра Мэдисон, говорящая на камеру. Как будто она понимала, что я буду слушать, идя спокойным шагом по беговой дорожке, и не смогу прервать ее рассказ.

«Привет, Эм. Я знаю, надо присылать короткие видео, но мне нужно многое тебе сказать. До Дэвида дошли кое-какие слухи. Говорят... что многое в скором времени поменяется. Что проводится большой эксперимент и мы скоро узнаем, почему началась Длинная Зима. Здесь люди продают свои дома за гроши и переезжают в Ливию и Тунис. Сумасшедшие. Они посылают солдат на...»

Видео обрезано на минуту или около того — цензура. Я продолжаю бежать по дорожке и смотреть на экран. Наконец, там снова появляется лицо сестры, но теперь с ней рядом два ребенка: Оуэн и Аделина.

— Привет, тетя Эм! — кричит Оуэн. — Смотри!

Он убегает из кадра, камера поворачивается, и я вижу, как он забрасывает мяч в баскетбольное кольцо, висящее футлах в пяти* над полом.

— Записала? — спрашивает он у мамы.

— Да.

— Я сейчас повторю, если ты все-таки не нажала записать.

Я улыбаюсь, видя, как моя сестра поворачивает к себе камеру. «Они возвращают тебя домой? Если да, то... каков план? Я знаю, ты не сможешь водить какое-то время и тебе придется проходить реабилитацию. Конечно же, ты можешь жить с нами, если НАСА не собирается... если НАСА не может помочь тебе встать на ноги. Пришли мне ответ побыстрее, хорошо? Люблю тебя».

Мэдисон поворачивается к детям, которые теперь спрятаны на заднем плане. «Прощайтесь с тетей Эммой».

Оуэн поднимает голову над диваном и машет рукой: «Пока!»

* Примерно 1,5 метра.

Аделина садится рядом с матерью и прижимается к ней, по-видимому, стесняясь камеры: «Пока, тетя Эмма. Люблю тебя».

Я уже начинаю писать ответ, когда неожиданно на экране всплывает окно:

ПОЛУЧЕНЫ ДАННЫЕ: ЗОНД 127

В ту же секунду я открываю его и начинаю спешно проверять информацию по солнечной радиации. Увиденное повергает меня в состояние шока: они намного выше, чем данные, получаемые на поверхности Земли. Но ведь в этом нет смысла, так как зонд находится на том же расстоянии от Солнца. Может быть, его зацепила солнечная вспышка? Нет, данные постоянны на протяжении всего периода измерений. Может, какой-то локальный феномен.

Мое сердце практически останавливается, как только я открываю видеотелеметрию с зонда: на фоне солнца в кадре четко виден черный объект. Не астероид — они зубчатые и каменистые. У этого же объекта плавные линии и продолговатая форма. На что бы я сейчас ни смотрела, ясно одно — оно рукотворное.

Поскольку мы находимся на постоянной связи с агентствами в США, России, Европе, Китае, Индии и Японии, я сразу же активирую линию связи с Центром Сетевых Интеграций имени Годдарда, находящимся в Мэриленде.

— Годдард, это МКС. Мы получили первые данные с зондов. Идет процесс обработки. Примечание: сто двадцать седьмой что-то обнаружил. — Я глубоко вдыхаю, стараясь подобрать слова. — Первоначальная телеметрия показывает продолговатый объект с плавными гранями. На астероид или комету не похоже. Повторяю: похоже, что это не естественный объект, созданный...

Гаснет планшет, останавливается беговая дорожка. Одновременно с этим по станции проходит дрожь и в модуле начинает мигать свет.

Я включаю свой личный коммуникатор. — Сергей...

— Перегрузка по мощности, командир.

Ясней не стало. Солнечная батарея по-прежнему отключена, и станция находится на резервном питании.

По корпусу снова проходит дрожь, и у меня включается инстинкт самосохранения.

— Всем! Быстро вылезти из кроватей! Переходим в капсулу «Союз»! Запустить процедуру эвакуации!

Станцию начинает трясти, и меня отбрасывает в стену. Кружится голова, но тело реагирует абсолютно инстинктивно, и, помогая себе руками, я поднимаюсь к куполу. Через иллюминаторы я вижу, как Международная космическая станция разваливается на куски.

2

Джеймс

Скоро начнется мятеж. Я чувствую растущее напряжение, и, куда бы я ни направился, везде меня провожают долгими взглядами, передают друг другу новости и шепчутся о секретах.

Замерзает воздух. Лед все ближе и ближе, и мы здесь в ловушке, так что если не сможем выбраться — нас всех ждет смерть.

О чем же говорят? О плане спасения. Это хорошие новости, а плохие заключаются в том, что я не являюсь частью этого плана. Мне не говорят ни слова, и я сомневаюсь, что вообще скажут.

В этой ситуации я мало что могу поделать. Так что остается только выполнять свою работу, не поднимать головы и слушать новости.

По разбитому телевизору как раз показывают очередной выпуск на CNN, но голос репортера еле различим из-за грохота машин вокруг.

— В Майами три дня подряд идет снег, что бьет все рекорды и вынуждает правительство Флориды обращаться за федеральной поддержкой. Опросы показывают рост протестных настроений среди горожан и управляющей верхушки на северо-востоке, которые усиливают давление на федеральное правительство. Они требуют ускорить темпы эвакуации. С приближением Долгой Зимы...

Не знаю, кто придумал этот термин «Долгая Зима» — может, СМИ или правительство. Так или иначе — он закрепился. Народу он нравится больше, чем «оледенение» (слишком технический) или Ледниковый Период (слишком необратимый). Долгая Зима звучит так, как будто ее конец вот-вот наступит; как будто это еще одно время года, просто очень длинное. Надеюсь, смысл именно такой. Я уверен, что Национальное управление по исследованиям океанов и атмосферы, а также все его дочерние организации по всему миру уже знают правду. Если это так, то нам они еще об этом не сообщили (отсюда и высочайшие рейтинги таких новостей).

Звучит тревожный гудок.

Я не обращаю на него внимания.

Начинается следующий репортаж, а поскольку я уже достаточно давно прекратил работать, понять сетку вещания не сложно. Согласно титру внизу кадра, на экране показывается порт Росайт, что неподалеку от Эдинбурга, Шотландия. Мужчина-репортер стоит в доках в тени огромного круизного корабля. С борта перекинут трап, и по нему на корабль медленно движется поток людей. Деревья вдали абсолютно белые, как если бы они покрылись льдом целиком. Снег падает на каменные плиты.

— То, что вы видите у меня за спиной, похоже на погрузку отдыхающих для воскресного круиза, однако ничто так не далеко от правды, как это. Круизный корабль, который вы видите на экране, еще три недели назад назывался «Изумрудная Принцесса», после чего он был нанят правительством Его Величества и переименован в «Летнее солнце». Это один из сорока круизных кораблей, которые на протяжении какого-то времени будут эвакуировать жителей Великобритании в более теплые южные широты. «Летнее Солнце» отправится в Тунис, откуда пассажиров отправят в лагерь для эвакуированных вблизи Кебили. Этот лагерь является частью соглашения долгосрочной аренды